

УДК 821.11.03

Федута А.И., доцент

Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва

**РЕЦЕПЦИЯ КАК АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧУЖОГО СЮЖЕТА
(ДВЕ ЭКРАНИЗАЦИИ «БЕСПРИДАННИЦЫ»
А.Н. ОСТРОВСКОГО)**

В статье анализируются особенности трактовки эпизода первой встречи героев драмы А.Н. Островского «Бесприданница» в экранизациях Я.А. Протазанова и Э.А. Рязанова. Процесс рецепции текста драмы режиссерами рассматривается как процесс творческого осмысления и «дописывания» сюжета в зависимости от их собственных жанровых установок.

Ключевые слова: русская литература, драматургия, восприятие, «Бесприданница», А.Н. Островский, экранизация, Я.А. Протазанов, Э.А. Рязанов, рецепция, трактовка, читатель, Уолтер Рэли.

Сходство чувств, испытываемых историческими и литературными персонажами, неизбежно порождает и сходство используемых ими для выражения своих чувств жестов. Как если бы они поочередно играли в спектаклях, поставленных одним режиссером по одной пьесе в разных театрах, или просто – в экранизациях одного и того же сюжета.

Например, в экранизации «Бесприданницы» А.Н. Островского, поставленной режиссером Я.А. Протазановым в 1936 году, есть замечательная сцена, так описываемая в сценарии:

«Быстро идет по тротуару Лариса, чтобы сесть в карету, но невольно останавливается перед кашей грязного талого снега над ручьем – перешагнуть нельзя.

Смотрит на ноги.

Ноги в белых атласных туфлях на краю тротуара.

Поднимает Лариса голову. Беспомощно оглядывается.

Гости усаживаются в экипажи. Никто не догадывается помочь ей.

Растерянная и беспомощная фигурка Ларисы.

Карандышев проталкивается из-за спин гостей, чтобы помочь. И вдруг останавливается – он видит...

... Паратов сбрасывает с себя шинель. И расстилает ее у ног Ларисы – между тротуаром и каретой.

Испуганное движение Ларисы.

Лица гостей и любопытных.

<...> Стоит Лариса перед разостланной на снегу шинелью Паратова. Краска смущения и гордости заливает лицо. Решилась. Ступает на меховой воротник. Переходит по шинели, как по мосткам.

Садится в карету»¹.

Описанной Я.А. Протазановым и В.З. Швейцером и блестяще сыгранной актерами А.П. Кторовым и Н.У. Алисовой сцены нет в драме А.Н. Островского – она полностью придумана сценаристами².

Придумана ли?

А.В. Нестеров, пересказывая в своем фундаментальном исследовании литературы елизаветинской эпохи «Колесо фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового времени» историю возвышения известного корсара и поэта Уолтера Рэли (1552 или 1554 – 1618), цитирует книгу Томаса Фуллера (Fuller Thomas. History of the Worthies of England. London, 1662):

«Названный капитан Рэли прибыл из Ирландии <...> и случилось, что присутствие его при выходе королевы из дворца. Та же замешкалась, не решаясь ступить в уличную грязь. И Рэли сорвал и бросил на землю новый бархатный плащ, так что королева прошла по нему; позже она отблагодарила его множеством костюмов за столь самоотверженную услугу, ибо поистине было чудесно выстелить ей путь плащом» [2, с. 602].

У нас нет оснований считать, что Я.А. Протазанов и В.З. Швейцер читали жизнеписание английского авантюриста, напечатанное в середине XVII века. Можно, конечно, предположить, что был текст-посредник, рассказывавший историю с плащом Уолтера Рэли, брошенном под ноги Елизавете I. Однако, в отличие от французской истории, хорошо известной русским читателям первой трети XX века, история Англии еще не превратилась в источник анекдотов и цитат: елизаветинской эпохе было посвящено всего несколько книг на русском языке – причем преимущественно в связи с Шекспиром и Марло. Текстов Уолтера Рэли и его биографии нет, например, в известной антологии Н.В. Гербеля «Английские поэты» (1875), долгое время остававшейся важнейшим источником информации для широкой публики.

Истории с плащом, брошенным под ноги королеве, нет и в самом популярном источнике сведений о пиратах и корсарах конца XIX века – в книге Ж. Верна «История великих путешествий и великих путешественников» (1880), хотя там Уолтер Рэли упоминается. Не рассказывается она и в основных энциклопедиях конца XIX – начала XX века, в том числе и тех, где есть отдельные статьи, посвященные Уолтеру Рэли. Таким образом, можно предположить, что мы действительно имеем дело с совпадением.

Описывая сцену с плащом, брошенным Рэли под ноги королеве, А.В. Нестеров характеризует этот жест как «подчеркнуто театральный. Но английский королевский двор

¹ Протазанов Я.А., Швейцер В.З. «Бесприданница»: киносценарий по одноименной пьесе А.Н. Островского // РГАЛИ. Ф. 1921, опись № 1, ед.хр. 18. С. 9–10. – Пользуясь случаем, автор благодарит И.В. Лукьянову, сделавшую возможным его знакомство с текстом киносценария «Бесприданницы».

² Э.А. Рязанов, характеризуя отношение зрителей к фильму Я.А. Протазанова, справедливо отмечает подмену, происшедшую в их сознании: «Подавляющее большинство свято убеждено, что именно Островский сочинил эпизод, где Паратов бросает роскошную, подбитую соболями шинель в весеннюю грязь, дабы Ларисе было удобно сесть в коляску» – см.: Рязанов Э.А. Неподрезанные итоги. М., 1997. С. 378.

того времени воистину был “великим театром”. Театром, в котором директором, режиссером и исполнительницей главной роли была королева» [2, с.493]. С этим нельзя не согласиться. Однако ее партнер, несомненно, вложил в свой жест определенный смысл.

Бедный девонширский дворянин, каким в момент встречи с Елизаветой был Уолтер Рэли, не мог не понимать символического значения жеста: я – опора королевы, я готов выполнить любую, самую грязную работу ради Вашего Величества – Вы же останетесь чисты и прекрасны, как и всегда. Вероятно, Рэли был искренен, формулируя этот послыл: в конце концов, основанную им американскую колонию Британии он назовет Виргинией – в честь своей королевы, успешно игравшей роль девственницы. Ради нее расстанется позже Рэли и со своей свободой.

Если протазановский Паратов, владелец парохода «Ласточка», знает историю корсара (пирата) Уолтера Рэли, то понятно, что он хочет сказать своим жестом Ларисе: Вы – моя королева, я готов служить Вам. Если даже не знает, то очевидно, что смысл его жеста от этого не меняется. Меховой воротник брошенной Паратовым в грязный снег шинели становится символом всех сокровищ мира, которые он готов бросить к ногам прекрасной дамы. Именно так, даже не подозревая о существовании Рэли, читает этот жест Лариса Огудалова – и, принимая жертву, сама становится жертвой.

Повторимся: по нашему мнению, речь должна идти о совпадении коллизий, вызванном совпадением отношения мужчин к женщине – как к королеве, заслуживающей поклонения. Сценаристы Протазанов и Швейцер истории Уолтера Рэли, скорее всего, не знали.

Но автор сценария и постановщик фильма «Жестокий романс» – второй советской экранизации «Бесприданницы» А.Н. Островского – Э.А. Рязанов знал фильм Я.А. Протазанова. И включил в экранизацию сцену, которая, несомненно, навеяна протазановской. С гордостью пишет Э.А. Рязанов: «Сила, удаль Сергея Сергеевича <Паратова. – А.Ф.> видны в том, как он перенес коляску вместе с сидевшими в ней Огудаловой и кучером, лишь бы Ларисе не ступить в лужу» [4, с. 392].

Замена, однако, оказалась далеко не равноценной. Женщина – равноправный, а в случае с королевой Елизаветой – и превосходящий своими возможностями мужчину субъект судьбы – превращается в интерпретации Э.А. Рязанова в объект сексуального вожделения и сексуальных манипуляций. Жест мужчины-рыцаря, готового бросить к ногам женщины-королевы все сокровища мира, оказывается в «Жестоком романсе» заменен демонстрацией мужчиной-самцом своих выдающихся физических качеств: неслучайно позже Лариса (Л.А. Гузеева) с безразличной жалостью глядит на Карандышева (А.В. Мягков), который просто физически не в состоянии повторить «подвиг» Паратова (Н.С. Михалков). А жанр социальной драмы, написанной А.Н. Островским, оказался подмененным жанром дворового городского романа.

Ничего не поделаешь. Бывает...

Вместе с тем, закономерно, что авторы обеих экранизаций «Бесприданницы» отталкиваются от сюжета драмы Островского и демонстрируют собственные интерпретации его. Их рецепция носит авторский характер. Неслучайно еще в начале XX века И.Ф. Анненский утверждал: «Самое чтение поэта есть уже творчество» [1, с.5]. Автор в процессе собственного творчества провоцирует читателя на восприятие текста, тем самым давая ему право реального соучастия, сотворчества. Драматическое произведение более, нежели любое другое, имеет провокативный характер – и каждая

режиссерская интерпретация классического драматического текста есть ответ на вызов / провокацию драматурга.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979.
2. Нестеров А.В. Колесо Фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового времени. М., 2015.
3. Протазанов Я.А., Швейцер В.З. «Бесприданница»: киносценарий по одноименной пьесе А.Н. Островского // РГАЛИ. Ф. 1921, опись № 1, ед.хр. 18. С. 9 – 10.
4. Рязанов Э.А. Неподведенные итоги. М., 1997.

Федута А. І., доцент

Європейський гуманітарний університет, Вільнюс, Литва

РЕЦЕНЗИЯ ЯК АВТОРСЬКА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ЧУЖОГО СЮЖЕТУ (ДВІ ЕКРАНІЗАЦІЇ «БЕСПРИДАННИЦЬ» А.Н. ОСТРОВСЬКОГО)

У статті аналізуються особливості трактування епізоду першої зустрічі героїв драми А.М. Островського «Бесприданница» в екранізаціях Я.Протазанова і Е. Рязанова. Процес рецензії тексту драми режисерами розглядається як процес творчого осмислення і «дописування» сюжету в залежності від їх власних жанрових настанов.

Ключові слова: російська література, драматургія, сприйняття, «Бесприданница», А.М. Островський, екранізація, Я. Протазанов, Е. Рязанов, рецензія, трактування, читач, Уолтер Релі.